

Глава 10. Столкновение с реальностью

Синь Цяньюй не помнил, как добрался домой.

Всю дорогу он словно парил в воздухе, мысли путались, он постоянно вспоминал, что же такое наговорил Синь Му... Кажется, все, что следовало и не следовало говорить... Конец, полный конец, его образ жалкого бедняка-цветочка окончательно разрушен, и обнажилась реальность — он все время обманывал своего парня...

Синь Цяньюй очень боялся, хотя сам не понимал чего именно. Хотел за что-то ухватиться, но руки сжимали только пустоту — он и сам не знал, за что хочет держаться.

Су Чжун дома вел себя как обычно спокойно — но именно это спокойствие пугало Синь Цяньюя.

Синь Цяньюй набрался смелости и медленно проговорил:

— Брат Чжун... я не хотел тебя обманывать.

— Обман редко бывает неумышленным, — ровно ответил Су Чжун.

Синь Цяньюй лишился дара речи: и правда, как можно обманывать неумышленно?!

Глаза Су Чжуна оставались спокойными, как гладь озера.

Синь Цяньюй испугался еще больше и поспешно сказал:

— Ты... ты не сердись.

— Я не сержусь, — Су Чжун успокаивающе погладил Синь Цяньюя по тыльной стороне ладони, очень нежно, словно утешал испуганного зверька.

Глаза Синь Цяньюя заблестели от слез:

— Правда?

— Конечно, — сказал Су Чжун. — В конце концов, ты не совершил ничего непростительного. Но мне немного любопытно, зачем ты так поступал.

Лицо Синь Цяньюя стало смущенным, он долго молчал, а потом заплетающимся языком невнятно проговорил:

— Потому что... слишком сильно тебя люблю.

Это была абсолютная правда. А когда правда достигает такого уровня искренности, произносить ее становится очень стыдно — поэтому белое лицо Синь Цяньюя залилось румянцем.

Су Чжун серьезно подумал и сказал:

— Это брачное поведение — попытка завоевать расположение партнера через демонстрацию слабости?

Вероятно, формулировка Су Чжуна оказалась слишком академично-холодной, поэтому жаркий

румянец быстро сошел с лица Синь Цяньюя. Он напряженно кивнул:

— Да, примерно такое брачное поведение.

— Понятно, — Су Чжун, разобравшись в ситуации, быстро принял реальность. — Ты много трудился, но это было не обязательно.

Сердце Синь Цяньюя провалилось, словно огромный камень в глубокий колодец.

Он много раз представлял "последствия разоблачения": Су Чжун взбесится? Су Чжун окончательно разочаруется? Су Чжун станет подозрительным? Су Чжун...

Во всяком случае, он никогда не думал, что Су Чжун спокойно скажет: "Ты много трудился, но это было не обязательно".

В сердце Синь Цяньюя образовалась пустота.

Возможно, где-то в глубине души он больше хотел бы, чтобы Су Чжун разозлился, потерял самообладание, стал сомневаться.

А не вот так — спокойно и холодно.

Буря "Синь Цяньюй на самом деле актер", казалось, быстро прошла. Словно камень, брошенный в воду, — рябь не продержалась и полминуты, как глубины жизни вновь стали спокойными, и все вернулось на круги своя.

Синь Цяньюй по-прежнему оставался нежным и робким Синь Цяньюем.

Су Чжун тоже остался прежним Су Чжуном, который ни во что не вмешивался.

Синь Цяньюй думал, что спектакль "сорви маску", поставленный Синь Му, сильно повлияет на их с Су Чжуном жизнь, но этого не произошло.

Жизнь есть жизнь.

В тот вечер Синь Цяньюй и Су Чжун сидели дома, когда к ним пришла незваная гостья.

Это была Жуйлэй.

Жуйлэй была в деловом костюме, от нее слегка пахло алкоголем — видимо, она пришла прямо с корпоративного мероприятия. Увидев ее за дверью, Синь Цяньюй удивился:

— Жуйлэй? Что ты здесь делаешь?

Услышав шум у двери, Су Чжун тоже вышел из кабинета.

Он был в синей домашней одежде, волосы не зачесаны, как в офисе, а свободно ниспадали — выглядел гораздо мягче. Увидев такого Су Чжуна, Жуйлэй на секунду застыла: этот мужчина слишком красив.

Однако Жуйлэй быстро отвлеклась от красоты и натянула профессиональную улыбку:

— Твой телефон не отвечал, пришлось приехать домой.

Синь Цяньюй удивился:

— Брат Чжун все время был дома, почему телефон не отвечал?

— Потому что я ее заблокировал, — сказал Су Чжун.

Синь Цяньюй и Жуйлэй застыли в мгновенной растерянности и молчании.

Жуйлэй беспомощно пожала плечами:

— Можно мне войти и сказать пару слов?

Синь Цяньюй отступил на шаг — он был в замешательстве: Жуйлэй и брат Чжун разве не хорошие коллеги? Почему он ее заблокировал?

Честно говоря, прошло уже несколько дней с момента подачи Су Чжуном заявления об увольнении, а Синь Цяньюй до сих пор не знал о его положении.

Не дождавшись ответа, Жуйлэй первой переступила порог.

— Не входи, — остановил ее Су Чжун.

Су Чжун был человеком с сильно развитым чувством территории и не любил, когда посторонние вторгаются в его жилище.

Увидев неприкрытое отвращение на лице Су Чжуна, Жуйлэй беспомощно улыбнулась и отступила за порог, извиняясь:

— Простите, я понимаю, что в ваших глазах я та, кто отобрала у вас клиента и должность, из-за чего вы уволились. Но на самом деле я лично к вам никакой враждебности не испытываю...

— Что?! — голос Синь Цяньюя резко повысился. — Ты отобрала у брата Чжуна клиента и должность и заставила его уволиться?

Жуйлэй испугалась:

— Ах, ты не знал?

Теперь смущаться пришлось Синь Цяньюю: с его парнем произошли такие серьезные изменения, а он, как бойфренд, ничего не знал.

Су Чжун не собирался обсуждать с Жуйлэй эту тему и спросил:

— Зачем ты пришла?

Жуйлэй еще больше смутилась и сказала:

— Я просто хотела тебя предупредить — Дэвид сейчас злится на тебя и говорит, что устроит тебе черный список по всему финансовому району, распускает слухи в кругу боссов, что ты используешь грязные методы против коллег, а история с Кевином тоже твоих рук дело... Он хочет такими подлыми способами не дать тебе работать в финансовом районе.

Услышав это, Синь Цяньюй сжал кулаки.

На кажущееся "доброжелательное предупреждение" Жуйлэй Су Чжун не выказал никакой благодарности. Наоборот, он озадаченно спросил:

— Зачем ты мне это говоришь?

Жуйлэй вздохнула:

— Мы же друзья, не хочется видеть, как ты так страдаешь... На самом деле у Дэвида с тобой нет глубокой вражды, он просто считает, что ты задел его самолюбие, поставил в неловкое положение, поэтому так тебя преследует. Хотя ты и способный, но у тебя нет влияния — если он действительно решит тебя уничтожить, тебе будет трудно противостоять. Мне кажется, тебе лучше вернуться и извиниться перед ним, дать друг другу возможность сохранить лицо — он все равно оставит тебя в компании управляющим фондом.

Су Чжун выслушал это молча, словно что-то оценивая.

Синь Цяньюй примерно понял суть дела, глаза его сверкнули, и он холодно усмехнулся, беря Су Чжуна за руку:

— Брат Чжун, не слушай ее — по-моему, она посланница Дэвида!

— Что ты говоришь? — Жуйлэй уставилась на Синь Цяньюя.

Синь Цяньюй сказал:

— Наверняка вы с Дэвидом натворили каких-то гадостей, из-за которых мой брат Чжун не смог больше там оставаться и подал в отставку. Дэвид не хочет терять такого способного человека, но гордость не позволяет, поэтому он послал тебя изображать добрую самаритянку, играть в "хорошего и плохого полицейского" — все для того, чтобы заманить брата Чжуна обратно. Причем не просто вернуть, а заставить его вернуться с поклонами, чтобы он извинился перед Дэвидом и продолжал вкалывать!

Услышав этот анализ Синь Цяньюя, Жуйлэй даже лицом пошла пятнами — потому что Синь Цяньюй попал в точку!

Жуйлэй не ожидала, что этот обычно молчаливый Синь Цяньюй окажется таким пронзительным — неудивительно, что ему удалось заполучить такую "голубую фишку", как Су Чжун. Жуйлэй прокашлялась, чтобы скрыть смущение, и посмотрела на Су Чжуна:

— Если не веришь, разузнай сам — узнаешь, что я не обманываю. Сейчас по всему кругу ходят слухи, что ты подставил Кевина.

Услышав эти слова, Синь Цяньюй еще больше разъярился — покраснел и надулся. К сожалению, бить женщину он не мог, поэтому только сжал кулаки и свирепо глядел на нее, мысленно планируя, как надеть на Дэвида мешок.

Но Су Чжун сказал:

— Мне не нужно разузнавать, я и так знаю. Мне уже рассказали.

В конце концов, у Су Чжуна в этих кругах были свои связи.

Услышав это, Жуйлэй слегка успокоилась:

— Тогда ты знаешь, что я тебя не обманывала. Несколько боссов уже согласились с Дэвидом не брать тебя на работу. У тебя сейчас только один путь — вернуться и извиниться перед Дэвидом.

Су Чжун холодно ответил:

— Именно узнав об этой ситуации, я и заблокировал тебя и Дэвида.

Жуйлэй опешила.

— Если больше ничего нет, можешь идти. Мы с вами больше не связаны, — сказал Су Чжун и закрыл дверь перед носом у Жуйлэй.

Закрыв дверь, Су Чжун сохранил обычное выражение лица, словно слова Жуйлэй были для него просто ветром в уши — прошумел и исчез.

Синь Цяньюй с беспокойством смотрел на Су Чжуна:

— Брат Чжун, ты оказывается уволился? А я даже не знал?

Но Су Чжун ответил:

— Рабочие дела обычно не стоит обсуждать слишком подробно. Кстати, я тоже не очень понимаю твою рабочую ситуацию.

Это были фактические слова Су Чжуна, но в ушах Синь Цяньюя они прозвучали как упрек. Синь Цяньюй все время скрывал свое настоящее положение на работе — какое право он имел спрашивать Су Чжуна?

Лицо Синь Цяньюя загорелось от стыда, он опустил голову и не осмелился сказать ни слова, все свои вопросы пришлось проглотить и переварить в желудке, а потом выпустить пукнуть.

Синь Цяньюй не знал, как справиться с этой неловкой ситуацией — на душе было очень тяжело.

А Синь Му, которая организовала спектакль "срывания маски" для Синь Цяньюя, интересовалась дальнейшим развитием событий. Она специально пришла на работу, чтобы "случайно встретить" Синь Цяньюя, и с заботой ему улыбнулась, а Синь Цяньюй тут же показал маме кислую мину.

Увидев кислое лицо сына, Синь Му рассмеялась:

— Это кому ты корчишь такую длинную кислую мину?

— Кому покажу, тому и корчу, — огрызнулся Синь Цяньюй.

Синь Му привыкла к сыновьей дерзости и нисколько не рассердилась, только сказала:

— С родной мамой ты такой наглый, интересно, какой ты со своим парнем?

Лицо Синь Цяньюя стало еще кислее.

— Вы поссорились, когда вернулись домой? — спросила Синь Му.

— Нет, — сухо ответил Синь Цяньюй. — Мы никогда не ссоримся. Не утруждайте себя

беспокойством!

Услышав это, Синь Му словно с сожалением вздохнула.

Этот печальный вздох подлил масла в огонь, и Синь Цяньчжун вскипел:

— Что? Вы расстроены, что мы не ссоримся?

— Да, — откровенно призналась Синь Му. — Ваши отношения слишком ненормальные.

Синь Цяньчжун снова лишился дара речи — рот открывался-закрывался, но ни звука.

Видя, как расстроен сын, Синь Му несколько не обрадовалась, только сказала:

— Я не выношу, когда ты завоевываешь мужское расположение притворством, поэтому специально тебя разоблачила. В душе ты это понимаешь и не должен на меня сердиться.

Синь Цяньчжун промолчал, только фыркнул.

Синь Му продолжила:

— Я думала: если он любит только притворного тебя, то, конечно, будет глубоко разочарован и вряд ли сможет продолжать с тобой отношения. Если он искренне тебя любит, но ты его так долго обманывал, это тоже должно было вызвать бурю. А теперь, судя по всему, он вообще никак не отреагировал, значит...

Этот анализ Синь Му был очень проницательным и точно попадал в болевую точку Синь Цяньчжуна. Синь Цяньчжун не удержался и настороженно спросил:

— Значит... какое у вас заключение?

— Значит, он именно такой, — сказала Синь Му.

— Какой именно? — не выдержал Синь Цяньчжун.

— Такой, которому ни к чему не удастся проявить особого интереса, — ответила Синь Му.

Синь Цяньчжун застыл.

— Включая тебя, — Синь Му похлопала Синь Цяньчжуна по плечу.

Этот хлопок по плечу подействовал как удар по лысой голове — мгновенно привел в ярость. Синь Цяньчжун в гневе стряхнул ее руку:

— Ты понимаешь хрен!

Синь Му презрительно усмехнулась:

— Чего ты злишься? Я же не говорю, что он тебя не любит.

— Он... — Синь Цяньчжун тут же успокоился — для него не было ничего более утешительного, чем слова "Су Чжун тебя любит".

Синь Му добавила:

— Просто он не способен любить тебя так, как ты его любишь.

Эта фраза звучала как скороговорка, довольно запутанно, но долетела до ушей Синь Цяньюя прямой стрелой, пронзившей грудь — сердце тут же забилося от боли, и лицо побледнело.

Видя страдания сына, мать тоже сжалилась. Синь Му покачала головой и со вздохом сказала:

— Ты слишком похож на меня в молодости... понимаешь, из тех дураков, которые любят бурно и страстно, чтобы земля содрогалась. Су Чжун хороший, но не подходит — он не дурак.

Закончив эту длинную речь, Синь Му приняла вид философа-поэта:

— Понимаешь, что я имею в виду?

— Понимаю, — Синь Цяньюй внутренне чувствовал себя очень уязвимым, но внешне оставался непреклонным. — Вы говорите, что я дурак.

<http://bllate.org/book/13448/1197389>